

Николай Лесков

**Специалисты по женской
части**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л50

Л50 **Лесков Н.**
Специалисты по женской части / Николай Лесков – М.: Книга по Требованию,
2012. – 42 с.

ISBN 978-5-4241-2306-1

Николай Семенович Лесков широко, объективно отразил в своих произведениях жизнь российского общества его эпохи - эпохи отмены крепостного права, пробуждения деловой активности масс, размежевания интеллигенции на разные идеологические "станы". Большое внимание уделял Лесков и русской старине, считая ценным для развития общества накопленный тысячелетиями народный опыт. Документальность многих его произведений сочетается с художественной выразительностью, психологической глубиной, яркостью языка.

ISBN 978-5-4241-2306-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Николай Семенович Лесков
СПЕЦИАЛИСТЫ ПО
ЖЕНСКОЙ ЧАСТИ

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

I

Говоря поистине, в настоящее время нигде, может быть, нет столько вопросов, как в России. Передовые люди, желающие руководить развитием идеи и направлением умов нашей страны, очевидно, только в шутку сетуют на темноту наших соотечичей, а на самом деле несомненно считают Россию самую способною страню для беспредельного прогресса.

Существование такого лестного для нее убеждения между прочим доказывается как массою вопросов, предлагаемых ей к разрешению ее передовыми людьми, так и свойствами этих вопросов, ибо в числе этих вопросов большая половина решена неудовлетворительно всеми западными народами, имевшими социальные революции и имеющими свои, относительно либеральные, учреждения. России в разрешении этих вопросов предоставляется как бы право перерешения и вершения. Правда, что в числе этих так называемых вопросов, поступивших на перерешения, в России было очень много вопросов уже очень старых, переставших быть вопросами, но нельзя сказать, чтобы наши умные люди и ими пренебрегли за их старостию и за давностью окончательно произнесенных над ними решений. Напротив, всеми этими вопросами занимались у нас с жаром и постоянством, всегда превышавшими саму возможность предмета. Еще не прошло трех лет, как в «Современнике», журнале, имевшем репутацию самого лучшего периодического издания в России, со всею серьезностью ставили и разрешали русскому обществу такие вопросы:

- 1) Мужики люди ли?
- 2) Женщины люди ли?
- 3) Хорошо ли народ учить грамоте?

Вопросы эти обсуждали и, обсуждая их, старались пространно доказывать: что мужики люди, что женщины люди и что народ учить грамоте очень хорошо.

С «Современником» никто не спорил, что мужики люди, что женщины люди и что народ учить грамоте хорошо, и справедливость требует сказать, что почтенному журналу ни по одному из этих трех затруднительных вопросов не посчастливилось сказать ни одного здравого слова, которое бы пережило, например, хоть просьбу редактора этого журнала поэта Некрасова к покойному М. Н. Муравьеву не шадить умышлявших на жизнь Государя Императора, но, тем не менее, за «Современником» осталась репутация специалиста в разрешении вопросов: 1) Мужики люди ли? 2) Женщины люди ли? 3) Хорошо ли народ учить грамоте?

За этими головоломными вопросами шел целый ряд других вопросов, столь же головоломных и тоже создавших себе в России своих специалистов.

В числе таких вопросов мы должны назвать женский вопрос, который отличается не только своею пустотою и бестолковостью, но и своею живучестью.

С тех пор, как у нас начали обсуждать этот вопрос, в жизни нашей страны произошло много событий, потребовавших от русских людей серьезного отношения ко многим вопросам, действительно заслуживающим это имя. Таковы: 1) крестьянский вопрос, 2) вопрос польский, 3) вопрос о полякующих русских, 4) восточный вопрос, 5) вопрос о судебной реформе, 6) вопрос земства, 7) финан-

совый вопрос, 8) вопрос о достоинстве нашего государственного значения в среде злобствующих на нас государств Европы, 9) вопрос о сокращении армии, 10) вопрос о печати и др. Но прежде чем большинство этих вопросов соединенными усилиями лучших людей государства получило окончательное разрешение и устояло в направлении, противном желаниям людей, небрегающих о силе и славе России, специалисты по части пустых вопросов выдвигают на сцену свои мелкие хлопоты и заводят речи о том, что не вызывает ни речи, ни объяснений.

В эти минуты, которые можно назвать почти торжественными минутами, когда нация, может быть, впервые за сто лет назад, снова начинает чувствовать себя нацией и не безучастливо смотреть на внешние и внутренние распоряжки своего правительства, горсть мелких людей старается отрывать общественное внимание вопросами ничтожнейшими, о которых говорить и не говорить все равно, но которыми усиливаться занять общественное внимание в такое серьезное время недостойно людей, мало-мальски солидных.

Не будет особенно резко сказать, что если бы такие усилия не объяснялись пустотою и тупостью производящих их людей, то их можно было бы объяснить изменою стране, желанием отвлекать общество от солидных вопросов, требующих всего его внимания и участия.

II

Женский вопрос в России явился совсем не так, как все другие, вышеперечисленные нами вопросы, возникшие исторически. Женский вопрос не заявлен к разрешению самою русскою жизнью, как поставлены ею, например, вопросы, вытекавшие из реформ судебной и крестьянской, из дела польского, из сепаратных стремлений наших иноплеменных подданных, из нерадения русских чиновников в западном крае о выгодах России или даже из угнетения единоплеменных нам народов на Востоке. Женскому вопросу не предшествовало никакое событие, вызвавшее его на сцену, а он создан и предложен к разрешению одним человеком — посланным впоследствии в каторжную работу и там и умершим литератором Михаилом Ларионовичем Михайловым.

Этот писатель, известный своею необычайною способностью увлекаться и замечательный гораздо более пламенностью своих фантазий, чем логичностью своих мыслей, открыл женский вопрос в своей собственной голове и заговорил об нем со всею смелостью и бесцеремонностью, составлявшею особенность манеры писателей тогдашней эпохи. Из уст г. Михайлова и быстро составившегося за ним ряда первых специалистов по женской части общество русское узнавало, что женщины наши унижены, оскорблены; что они всегда находятся в зависимости от мужчины или от семейства, что у них нет прав и что эти права им и надо добыть. Каких именно прав им надо было добывать, — об этом ничего ясно сознанного и определенного в тех первых заявлениях сначала еще не было, а говорилось только о необходимости прав. Можно было понимать только одно, что борцы за эти права имели в виду предоставление женщине равноправия с мужчинами; а более же — они все плакались над долею женскою и давали чувствовать, что знают, чем ей помочь, но что этого неловко как будто сказать, потому что правительство это... цензура... ну, и все такое, чем обыкновенно в подобных вещах пользуются нигилистические писатели. Цель этих недомолвок, разумеется, достигалась. Это секретничанье очень многих женщин заинтригова-

ло. Тут, на этот грех, во время интереса, возбужденного хлопотами эмансипаторов, жена одного из губернских сановников, госпожа Толмачева, прочитала перед публикою «Египетские ночи» и нашла приличным подчеркнуть в своем чтении этого стихотворения слова: «кто здесь меж вами купит ценою жизни ночь мою». Провинциальные нравы несколько оскорбились чтением этих стихов дамою, и один из литераторов обывателей пожаловался на г-жу Толмачеву редакции уже не существующей теперь газеты «Век». Г-н Петр Вейнберг, редактор названного журнала, к чести своего тогдашнего направления, не одобрил странной выходки сановной дамы и позволил себе посмеяться над выходкой г-жи Толмачевой. Это неодобрение, которое нынче принесло бы г. Вейнбергу похвалу от всякого человека, уважающего благовоспитанность, тогда было названо «безобразным поступком „Века“», и г-н Михайлов оборвал г-на Вейнберга самым энергичным образом. Михайлову поспешило вторить множество других голосов, и все перекликнувшиеся этими голосами в этой самой перекличке почувствовали как бы некоторое сплочение. Они осознали снисхождение на них некоего особого духа, ощутили на челах своих некое помазание, возносившее их над толпою, имеющею общение с женщинами без специальной к этому подготовки, и начали священнодействовать. Усилиями этих людей и создался специальный женский вопрос, в котором они и зачислили себя специалистами.

Служение женскому вопросу началось воздвижением всеобщей ругани против «Века», и справедливость требует сказать, что эта всеобщая ругань была вполне достойна большой страны, имеющей большую литературу. Ругань эта была не только беспощадна, но и влиятельна. Она навела трепет на весь класс, перед которым братья Курочкины секли г. Вейнберга, и страшно повредила новому журналу. Чести и правоты Вейнберга в этом деле не поддержал никто. За него не заступился ни один журнал из тех, которые нынче, после перемены ветра, так решительно выражались против явлений женского нигилизма, и ни один из писателей, которые ныне так зло осуждают в других давно прошедшую шаткость их принципов и убеждений. Что стало так легко и просто после «Взбаламученного моря» и «Некуда», на то до них не смел повернуться ни один язык. Напротив, литературные слухи пронесли, что даже самые именитые сотоварищи г. Вейнберга по изданию «Века» профессор г. Кавелин и теперешний академик Российской академии наук В. П. Безобразов, оба люди с чинами, с крестами и с положениями, вознегодовали на Вейнберга за его неуважение к женщине, публично читавшей «Египетские ночи», и получили с этих пор совершенное охлаждение к своему журналу. Г-н Вейнберг играл самую жалкую роль и, как козел очищения, был загнан в неведомые дебри, доколе исправился там и взят нигилистами к делу.

Скандал г-жи Толмачевой получил в рассказанном событии громкую огласку, и с тех-то счастливых пор женский вопрос и поднесь не сходит со сцены. Понято было всеми, что в оправдании чиновницы Толмачевой видна готовность общества оправдать в женщине пренебрежение условиями приличий. Решено было, что, стало быть, женщина может ходить всюду, куда ходит мужчина; говорить все, что говорит мужчина; предлагать сама то, чего у нее до сих пор старались заслуживать, и на эти темы пошли сочиняться статьи, повести и трактаты. Ни по одной части, кроме разве педагогики, не откликнулось столько специалистов, как по женскому вопросу. Как о воспитании детей писали все, не исключая даже г-

на Пятковского, так все же почти, опять-таки не исключая Пятковского, взялись писать и о женской воле, — о женской свободе.

Резюмировать все требования, одновременно заявленные специалистами по женской части, едва ли возможно. Требования эти все одинаково близко граничили с бредом сумасшедшего, с жестокостью варвара и с бесчестием развратителя. Начав оправданием выбора чтения перед публикою, сделанного чиновницею Толмачевою, специалисты по женской части издевались над всем, что составляет так называемую женственность; отвергали типичные черты, присущие женской натуре; смеялись над женской скромностью, над ее стыдливостью; представляли верность ложа запошеванским предрассудком; материнскую заботливость о детях называли узостью взгляда, которому противопоставляли широкий взгляд на сдачу детей попечению общества или на существующую будто бы возможность любить чужих детей, как своих. Они добивались допущения женщин в одни и те же училища с мужчинами, указывали на уместность замещения женщинами многих служебных должностей, нынче занятых мужчинами, — а потом уже впали в круглое бешенство, и в этом бешенстве один из женских эмансипаторов предлагал России женское войско, а другой объявил, что очень глупо видеть что-то предосудительное в профессии женщин, торгующих своими прелестями, ибо с настоящей точки зрения проституция, как ремесло, ничуть не хуже многих других ремесел, а некоторых даже и лучше.

Все эти специалисты по женской части подвизались преимущественно в двух больших журналах: в «Современнике», редактированном г. Некрасовым, который впоследствии оказался добрым патриотом и просил генерала Муравьева «виновных не щадить», и в «Русском слове», редактированном г. Благосветловым, который недавно перебил наборщиков своей типографии. За этими двумя большими журналами тянулась целая плеяда маленьких изданий, считавших за честь себе вторить во всем «Современнику» и отставших от г. Некрасова только тогда, когда почтенный поэт попросил покойного Муравьева не щадить злоумышляющих на жизнь императора.

III

Во все время, пока в нигилистических журналах проектировались и защищались бесчинства, которые хотели произвести над русской женщиной ее милые защитники, органы умеренных направлений или молчали о женском вопросе, или чуть-чуть шепотом шептали что-то такое старое-престарое, вроде того, что женщина должна быть подругою и матерью.

«Русский вестник» понял нигилистическую болтовню о женщине и ее правах с первого же раза: он не придал ей никакого значения и не уделил, кажется, ни одной строки на своих страницах. К чести этого оберегающего свою репутацию журнала, он один остался совершенно безучастным к этому пустому вопросу. «Библиотека для чтения» и «Время», переименовавшееся потом в «Эпоху», нашли, что женский вопрос есть, что он в действительности существует и заключает в себе нечто, требующее специального с ним знакомства; но, признавая женский вопрос, они и на него старались взглянуть взглядом умеренных журналов, взглядом, у нас выражающимся так, что «вы, дескать, так, — они так, — а мы посерединке этого». Эти почтенные журналы не отказывались поработать с своих умеренных точек зрения над женским вопросом; но у них не было хороших

специалистов по женской части. Мог им подходить один из известных, положим, женских специалистов, г. Карнович; но что же можно было поделывать в умеренном тоне с одним г. Карновичем, имея соревнователями в тоне неумеренном гг. Слепцова, Зайцева, Писарева, Антоновича, полковника Лаврова, профессоров Сеченова и Флоринского и нигилистующего чиновника государственной канцелярии Ю. Жуковского? Г-ну Карновичу тут было не справиться с такой внушительной компанией, и женский вопрос в умеренных журналах очень долгое время оставался совсем без специалистов. Еще бы несколько месяцев такого безлюдья, и вопрос этот, пожалуй, мог бы совершенно умолкнуть, ибо нигилистическим специалистам по женской части становилось решительно не с кем ни разговаривать о женщинах, ни препираться о них. Волею-неволею приходилось или замолчать, или держать на языке своем одного Виктора Аскоченского — этого *bête noire*¹ русских реформаторов и публицистов; но имя Аскоченского ныне уже не производит впечатления.

Вопрос был совсем при своем последнем конце и до этих пор, конечно, уже давно бы угас, если бы его не поддерживали редакторы «Отечественных записок» А. А. Краевский и его покойный сотоварищ Дудышкин. Эти почтенные люди отыскиали в расстроившемся гнезде стрижей «Эпохи» писателя, которому ни подобного, ни равного по уму и по образованности до сих пор во всей русской литературе еще не было. Этот бесценный человек есть критик-философ-физиолог Н. И. Соловьев. Г-н Соловьев написал в разных родах очень много, так много, что едва ли кто-нибудь из начавших свою литературную карьеру одновременно с ним мог написать половину того, что написано г. Соловьевым, и потому об этом плодovitом писателе у всех людей русской литературы сложилось мнение самое определенное и притом совсем одинаковое. Это, положим, удивительно, что все русские литераторы подумали одинаково о чем-нибудь на свете, но на этот раз так случилось. Г. Соловьев такой писатель, о котором, и невозможны сколько-нибудь противоречащие мнения: и постепеновцы, и нигилисты, несмотря на раздирающую их вражду, отдают г-ну Соловьеву вполне заслуженную им справедливость, признавая его совершеннейшею неспособностью и литературным *paletot quai*.² И действительно не имеющая пределов куча вздора, напечатанного г. Соловьевым в «Эпохе», «Отечественных записках» и «Всемирном труде», свидетельствует несомненным свидетельством, что писатель этот не имеет ни вкуса, ни образования, ни тени эрудиции, ни даже самой легкой начитанности, но обладает наглостью и легкомыслием, превосходящими и байроновского переводчика г. Минаева, и нигилистующего чиновника Жуковского, и всё, удивлявшее до сих пор читающую Россию своим развязным нахальством, всё, получив дерзость строчить, вламывается в вопросы, о которых, по своему житейскому и научному невежеству, рассуждать не имеет никакого права. Такой сотрудник, как г. Соловьев, не может быть приурочен со смыслом ни к какой литературной работе, что и доказывается его нынешними работами по новому журналу, в котором он в сегодняшние дни спохватился разбирать русские народные былины и песни, не стесняясь давно уже выраженными о них авторитетными мнениями г. Буслаева. Для г. Соловьева закон не писан, и он, с величайшим спокойствием, рассказывает своими словами и цитатами былины и песни, думая, что он их этим объясняет. Он не замечает даже, что называет былинку песнею и песню былинною, точно так, как до сих пор называл

повести статьями, а статьи повестями. Он пишет самый несуразный вздор и доволен им.

Но в «Отечественных записках» с ним было не так. Осторожный и многоопытный Улис, стоящий во главе этого издания, обладая неоспоримой прозорливостью, умел с замечательным тактом эксплуатировать даже г. Соловьева. Г-н Краевский не то, что г-н Хан. Г-ну Краевскому, издававшему на своем веку всяких литераторов, было известно, что есть такие вопросы, на которые, глядя с коммерческой точки зрения, журналу отозваться выгодно, но за которые мало-мальски дальновидный человек не возьмется и выдавать себя специалистом в них не станет. Такие вопросы преимущественно бывают из разряда вопросов бездельных, о которых может говорить всякий, у кого хватит близорукости в них впутаться.

О чем же в нашей литературе можно писать, ничего не зная и не понимая? Так писали о многом, но преимущественно так писали о народе, о воспитании и о женщинах. Признано уже, что у нас в этих вопросах каждый человек специалист и почти каждый невежда — писатель.

Но с народничаньем времен Якушкина и Громеки, в эпоху появления г. Соловьева в «Отечественных записках», уже было покончено. Государь решил, что мужики люди, и дал им человеческие права. Перестали заниматься к этому времени и переливаниями по вопросам о воспитании; но вопрос женский, хотя несколько и заминался уже в то время, все еще мог быть пошевеливаем. Хитроумный Улис «Отечественных записок» встрепенулся, что у него в журнале этим вопросом как будто мало занимались, и, чтобы сделать свой орган повеселительнее, решил учинить г. Соловьева специалистом по женскому вопросу при «Отечественных записках».

Г. Соловьев, будучи, вероятно, человеком доверчивым, не прозрел тогда дальновидности г. Краевского, припускавшего его к женской специальности с очевидною целью спустить его тотчас же, как специальность эта станет ненужною. Он этого коварства не открыл и взялся быть женским специалистом. В поднятии женского вопроса в «Отечественных записках» г. Соловьев не встретил никаких затруднений, потому что вопрос этот может быть поднят у нас в любую минуту, после любой строки или скандала, и точно так же, в любом фазисе своего развития, может быть опять заброшен и позабыт, нимало тем не возмущая течения русской жизни.

Быв припущен редакторами «Отечественных записок» к женскому вопросу, новый специалист по женской части, как надо полагать, не позаботился обогатить сокровищницу своих знаний никакими особенными сведениями по своей новой специальности, а вооружился лишь двумя половинками индийской груши и с ними, как малорослый Давид на Голиафа, пошел против всех женских эмансипаторов. Кроме двух половинок этой груши, которые г. Соловьев вспоминал в своих статьях, сравнивая по-индийски мужа и жену с двумя половинками разрезанной груши, да кроме уверений, что длинноволосая женщина красивее коротко остриженной, у него не было ничего, чем бы он мог разбивать друзей стриженных женщин. Соловьев уговаривал женщин не стричься ярыжками и не пренебрегать семейными обязанностями. В этих словах нового философа, конечно, не было ничего нового: все чувствовали, что это были не более как маменькины и бабушкины советы, против которых, пожалуй, нечего и возражать, но о которых

нечего и толковать, потому что всем, кто их не отверг, они очень хорошо известны, а кто не хотел их слушать из живых уст, тот не уверует в них, встретив их в статье, подписанной именем г. Соловьева. Но г. Соловьев все думал, что он все это говорит некие новости и низводит в женский мир откровения своего целомудренного гения.

Что думал об этих статьях г. Краевский, который, всеконечно, не раз слыхивал в годы юности своей и детства добрые советы любомудрия и воздержания? — это нам неизвестно; но он статьи г. Соловьева печатал как раз до тех пор, пока г-ну Соловьеву посчастливилось свести специализированный им вопрос к шутовству.

Сначала нигилистующие специалисты по женской части, не стерпев вторжения г. Соловьева в область женского вопроса, начали его терзать, щипать, кусать и выворачивать его нутром вверх, до самой невозможной гадости; наконец бросили. Тогда и г. Краевский почувствовал, что всего этого довольно, и почислив женский вопрос по своему журналу конченным, и самую вакансию специалиста по женской части при «Отечественных записках» упразднил.

Г. Соловьев был убит дважды: Краевский закрыл его кафедру, а беспощадные нигилисты продолжали отравлять его жизнь, но взялись отравлять ее не посредством печати, а другим адским путем, на который их только ехидные умы и способны. Не довольствуясь тем, что они допекали этого невиннейшего из литераторов всех стран и народов и карикатурами, и статьями, они измыслили отравлять его существование какими-то письмами. Этой безбожной штукой они так доняли г. Соловьева, что он даже, выйдя из терпения, стал уж жаловаться на такое злодейство во «Всемирном труде» г. Хана. Это действительно выходило черт знает что такое! — все хвалят, очень хвалят, даже превозносят его за его статьи; а между тем у г. Соловьева уж и терпения нет обирать из почтальонских рук эти похвалы и превозношения.

Дело, как явствует из сего краткого рассказа, было приведено к крайней степени шутовства, и последнему рыцарю женского вопроса прислан колпак, в получении которого он и расписался во «Всемирном труде». Оставить бы этот вопрос его специальному органу, «Женскому вестнику», и пусть себе он догорит в этой жалкой литературной плошке, засвеченной передовою статьею г. Слепцова, прославленной потом скандальным разбирательством издательницы этого журнала, г-жи Мессарош, с тем же специалистом по женской части, г. Слепцовым, за забор у нее, г-жи Мессарош, неких деньжонок и долженствующей в самом скором времени погаснуть с чадом, с треском и с дымом, словом, погаснуть, как гаснут все сальные плошки...

Казалось бы, что этим удобно было закончить все шутовство, поднятое в литературе под названием разработки женского вопроса. Мнилось, что после всего бывшего с литератором Соловьевым уже никто не захочет восхищаться у него права на имя последнего могикинина, последнего борца за дело, в котором нет никакого дела, но за которое г. Соловьев пострадал много и от редакторского коварства, и от нигилистического бессердечия, доставившего выгоду одному почтовому ведомству... Так оно как будто и выходило, но, однако, не вышло. Прошло несколько месяцев; г-на Соловьева оставили в покое; он имел время надуматься; от женского вопроса поотстал и облюбовал себе другой жгучий современный вопрос: вопрос о народности и о песнях, и опять думает, что сооб-

щает обществу нечто новое; а женский вопрос, как золотушный прыщ, опять выскакивает в другом месте.

IV

Профессор Петербургской военно-медицинской академии Сеченов написал в редакцию академической газеты письмо, в котором сообщает, что некая девица Сулова, начавшая изучение медицинских наук вместе со студентами здешней Военно-медицинской академии и впоследствии лишенная возможности кончить здесь курс этих наук и получить медицинскую степень, достигла своей цели в одном из швейцарских университетов. Почтенный профессор заявил это, как факт сколь радостный в интересах приобщения женщин к медицинской науке в России, столь же и укоризненный для русского общества, на совести которого должно будто бы лежать недопущение женщин к обучению медицине у нас в России.

Редакция академической газеты напечатала письмо почтенного профессора без всяких к нему прибавлений и объяснений. Соблюдая свой строго-деловой тон, газета академическая не сочла приличным ни присовокупить с своей стороны благих пожеланий г-же Суловой, без чего, наверное, не обошлась бы газета, обладающая меньшим тактом, и воздержалась от всякого желания усугубить своим словом нравственную кару общества, виновного, по мнению г. Сеченова, в недопущении у нас женщин к обучению вместе с мужчинами. Обличив столь достойное самообладание в этих двух случаях, академическая газета была столь же самообладающею и далее: она даже не сочла своею обязанностью заметить профессору Сеченову его небольшую, но довольно грубую ошибку. Газета не пожелала восстановить факт удаления женщин из среды петербургских военно-медицинских студентов в его истинном свете. Самообладающая газета не сказала, что женщинам вход в Военно-медицинскую академию возбранен не обществом, а правительством и что потому пени, сказанные г. Сеченовым за этих женщин русскому обществу, по существу дела, должны быть адресованы им правительству, которому г. Сеченов служит и с которым, следовательно, гораздо более солидарен, чем всякий частный, общественный человек, выражающий свое независимое и невлиятельное мнение за стриженных женщин или против стриженных женщин.

Мы желаем восстановить этот факт и напомнить г. Сеченову и другим специалистам по женской части столь неуместно забытую ими историю изгнания женщин из петербургского медицинского рая. История эта и недолга, да и не так скучна для тех, кто или не совсем близко с нею знаком, или успел ее позабыть.

Общество ничем неповинно в изгнании женщин, начавших посещать медицинские курсы Военно-медицинской академии. Общество даже никогда не впутывалось в это дело. Правда, что из общественной среды, посредством органов, было выражено несколько мнений о занятиях женщин медициною; но в большинстве этих мнений, конечно, нисколько не влиятельных и вовсе не имеющих для правительства никакого обязательного значения, выражалось одно желание иметь в России женщин-врачей. Лишь только в меньшинстве весьма малом и, конечно, также совершенно не влиятельном, мысль эта представлялась утопиею потому, что у нас еще негде женщинам учиться медицине. Люди, державшиеся этого последнего мнения, говорили, что учащиеся медицине женщи-